

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ |
PERSONALITY ORIENTED PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES
IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Субъектные предикторы моделей поведения курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса

Кудинов С.И.

Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Бурцев А.О.

Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Кудинов С.С.

Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1515-8754>, e-mail: Kudinov_ss@rudn.ru

Марьин М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Ханалиева Д.У.

Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1175-7522>, e-mail: Seda.42@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, раскрывающие роль отдельных личностных качеств в выборе определенных паттернов поведения в ситуациях когнитивного диссонанса. В ходе исследования на выборке курсантов ($N=217$), установлено, что определенное соотношение таких качеств личности как самооценка, тревожность и локус контроля, являются основополагающими предикторами в выборе конструктивной либо деструктивной стратегии поведения в ситуации когнитивного диссонанса. Эмпирически доказано, что взаимосвязь низкого уровня тревожности, адекватной самооценки и интернальной саморегуляции характерна для избрания курсантами конструктивной модели поведения в ситуациях когнитивного диссонанса, обеспечивающей успешное решение когнитивной задачи. У курсантов с деструктивной стратегией поведения в подобной ситуации отмечается взаимозависимость на статистически значимом уровне умеренной или ярко выраженной тревожности, завышенной самооценки и экстернальной регуляции являющихся препятствием для выхо-

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

да из сложной когнитивной конструкции. И наконец, избегающую модель поведения при когнитивном диссонансе демонстрируют респонденты с высокой тревожностью, заниженной самооценкой и экстернальным локусом контроля. В результате полученных данных делается заключение о разработке специально-разработанной программы коррекции и развития эмоционально-волевой сферы курсантов в период обучения в вузе.

Ключевые слова: паттерны поведения, когнитивный диссонанс, студенты, субъектные предикторы, тревожность, самооценка, локус контроля, копинг-стратегии, респонденты.

Для цитаты: Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С., Марьин М.И., Ханалиева Д.У. Субъектные предикторы моделей поведения курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177. DOI:10.17759/psylaw.2022120212

Subjective Predictors of Cadets' Behavior Patterns in Situation of Cognitive Dissonance

Sergey I. Kudinov

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Anton O. Burtsev

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burtsev_anton@bk.ru

Stanislav S. Kudinov

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-15-8754>, e-mail: Kudinov_ss@rudn.ru

Mikhail I. Maryin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Dagmar U. Khanaliev

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1175-7522>, e-mail: Seda.42@mail.ru

The article presents the results of an empirical study revealing the role of different personal qualities in the choice of certain patterns of behavior in situations of cognitive dissonance. In the study on a sample of cadets (N=217), it was found that a certain ratio of personality qualities such as self-esteem, anxiety and locus of control are fundamental predictors in choosing a constructive or destructive strategy of behavior in a situation of cognitive dissonance. It has been empirically proved that the correlation between low anxiety, adequate self-esteem and internal self-regulation is typical for cadets choosing a constructive model of behavior in situations of cognitive dissonance that ensures the successful solution of a cognitive task.

Cadets with a destructive strategy of behavior in such a situation have a statistically significant correlation of moderate or pronounced anxiety, inflated self-esteem and external regulation, which impedes getting out of a complex cognitive construct. And finally, the avoidant behavior model in cognitive dissonance is demonstrated by respondents with high anxiety, low self-esteem and external locus control. On the basis of the data obtained, a conclusion is made about the development of a special program for correction and enhancement of the emotional-volitional sphere of cadets during their studies at the university.

Keywords: behavior patterns, the cognitive dissonance, students, subjective predictors, anxiety, self-esteem, locus of control, coping-strategies, respondents.

For citation: Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S., Maryin M.I., Khanaliev D.U. Subjective Predictors of Cadets' Behavior Patterns in Situation of Cognitive Dissonance. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177. DOI:10.17759/psylaw.2022120212 (In Russ.).

Введение

Современные тенденции развития цифровых технологий в промышленности, экономике и социальной сфере предъявляют повышенные требования к когнитивным функциям субъекта деятельности. Специалист должен владеть навыком оперативного анализа огромного потока информации, уметь быстро принимать единственно правильные решения. Уметь выделять главное и второстепенное в ситуации неопределенности и стресса. Наиболее остро эта проблема стоит перед сотрудниками силовых ведомств, выполняющих служебную деятельность в сложных, эмоционально напряженных и информационно противоречивых ситуациях.

Обзор научных публикаций, выполненных в последние десять лет, показывает возросший интерес исследователей к проблеме поведения субъекта в эмоционально напряженных ситуациях, в том числе трудных жизненных, экстремальных и ситуациях неопределенности или неоднозначности [6; 8; 24; 40; 41; 42]. Анализ современных исследований, актуализирующих роль средовых факторов в жизнедеятельности человека [7; 12; 13; 27; 33], показывает, что в основном обсуждаются такие параметры, как успешность деятельности, адаптивность, социализация, самореализация и т. д. Недостаточно исследованными остаются вопросы, освещающие поведение личности в ситуациях когнитивного диссонанса, опосредованное субъектным потенциалом, несмотря на то, что в процессе обучения и выполнения профессиональной деятельности каждый сталкивается с подобными ситуациями. Особую важность эта проблема приобретает для будущих специалистов службы безопасности и правопорядка, когда в ограниченном временном интервале при дефиците необходимой или противоречивой информации приходится находить единственно правильное решение. Предпочтение определенного паттерна поведения в сложной когнитивной ситуации либо обеспечивает благоприятное решение сложной и неопределенной задачи, что, в свою очередь, повышает самооценку и обеспечивает успешность деятельности, либо препятствует достижению результативности в решении когнитивной задачи, создавая эмоциональный дискомфорт, снижая уровень притязаний и самооценки [34].

По мнению автора теории когнитивного диссонанса Фестингера, базисом в ситуации когнитивной неопределенности выступает стремление субъекта к гармонии когнитивных конструкций внешнего и внутреннего мира. Одной из таких конструкций, по мнению Фестингера, может выступать анализ и отбор информации, а также конфликт после принятия реше-

ния; вынужденный поступок, который сам субъект не смог бы совершить; несогласие с убеждениями социальной группы и неожиданные результаты действий и их последствия.

Как только теория когнитивного диссонанса достигла определенной гласности в научных кругах, Брем и Коэн предприняли попытку уточнения данной концепции. Авторы выделили в проявлении диссонанса два момента: приписывание себе причин возникновения диссонанса и социально открытое осуществление деятельности. Авторы отмечают: «... мы считаем субъекта обязавшимся, если он решил делать или не делать определенную вещь, если он выбрал одну (или более) альтернативу и тем самым отверг одну (или более) альтернативу, если он активно осуществляет (или осуществил) данное поведение» [28, р. 7].

Несколько позже Аронсон внес некоторые поправки и свел диссонанс к личностно значимым факторам. Исследователь связывал эти факторы с устойчивыми ожиданиями, которые отражаются на деятельности субъекта, когда деятельность входит в противоречие с представлением о себе, искажая ожидания [2]. В это же время Брэмел писал о том, что порождением когнитивного диссонанса выступают всего лишь негативные отклонения от представлений о себе. Автор представил диссонанс в виде определенной мотивации страха перед социумом [28; 35].

Широкая известность в научных кругах данной теории послужила стимулом к проведению исследований диссонанса. К концу 80-х годов двадцатого столетия насчитывалось более 800 публикаций по данной проблеме. Значительная часть исследований была посвящена ситуативной обусловленности коммуникативной и речевой деятельности благодаря ранее проведенным исследованиям в Йельском университете под руководством Ховлэнда и Джениса [35; 39]. Экстраполяция данной теории на другие сферы исследований связана с экспериментальными работами Лоуренса и Фестингера, а также публикациями Зимбардо, характеризующими когнитивный контроль потребностей [30; 43].

В свою очередь, эксперимент, проведенный Виклундом и Бремом, дал основание предполагать, что основным условием возникновения диссонанса является переживание личной ответственности за сосуществование неустойчивых когнитивных структур [30; 39].

Теоретическое обоснование когнитивного диссонанса послужило основанием для переосмысления теории подкрепления, получившей широкое признание в американской социальной психологии, объясняющей механизм поведения.

Достаточный импульс к изучению данной проблемы задала нейрокогнитивная психология [36]. В настоящее время исследования когнитивного диссонанса в зарубежной науке можно увидеть как в психологии, так и смежных науках. Широко представлены исследования когнитивного диссонанса в экономических [25; 32; 38], а также в политических науках [3; 29].

Современные отечественные исследования когнитивного диссонанса содержат неоднозначные характеристики данного психологического образования. В большей степени различия обнаруживаются в понимании и интерпретации когнитивной ситуации, а также стиле индивидуальности [5; 18].

Теоретический обзор научной литературы по проблеме когнитивного диссонанса в рамках истории развития данного проблемного поля позволяет заключить, что указанный феномен рассматривается чаще всего как внутриличностный конфликт. Данную авторскую позицию можно обнаружить в исследованиях В.С. Мерлина, В.В. Столина, В.Н. Мясничева, К.А. Абульхановой-Славской, В.Д. Шевченко, В.А. Гриднева, Савицкой Т.В. и других. По всей видимости, это обусловлено идентичной картиной психического отражения субъектом объективной реальности в ситуациях неопределенности. По мнению вышеуказанных авто-

ров, для внутриличностного конфликта, как и когнитивного диссонанса, характерно проявление эмоциональных симптомокомплексов: психологического дискомфорта, эмоционального напряжения, негативного переживания. Известно также, что первопричиной возникновения данных феноменов выступают противоречия и несогласованность в когнитивных конструкциях, выражающихся в установках, оценках, мнениях, позициях и т. д.

Еще одним фактором, указывающим на сходство данных психологических образований, является сфера их реализации, охватывающая ценностно-смысловое и мотивационно-потребностное пространство личности, где и осуществляется противоборство разнонаправленных мотивов, идеалов, ценностей, смыслов и установок.

Обращаясь к проблеме когнитивного диссонанса в диссертационной работе, Д.У. Ханалиева отмечает, что «...внутриличностные конфликты подразделяются на несколько видов, к которым относится и когнитивный внутриличностный конфликт, который, очевидно, наиболее точно отражает понятие когнитивного диссонанса в отечественной литературе. Возможно также рассмотрение внутриличностного конфликта в рамках исследований самосознания личности. Так, некоторые ученые отмечают сущность внутриличностного конфликта в расхождении реального и идеального Я, реальных возможностей и способностей человека и требований конкретной деятельности» [23, с. 50—51].

Современные исследования, освещающие данную проблему, носят преимущественно прикладной характер. Так, например, в статье И.Б. Авдеевой анализируется причинно-следственная связь когнитивного диссонанса и трудностей обучения у будущих инженеров [1]. В работе З.Н. Афинской когнитивный диссонанс выступает предметом исследования в лингвокультуре [3]. В исследованиях О.Н. Лучко, В.А. Маренко, С.А. Кациель данный феномен выступает как инструмент межкультурного диалога личности [14]. А.И. Скрипникова, указывает, что в современной журналистике для реализации профессиональных задач все чаще прибегают к применению искусственно-созданного когнитивного диссонанса [20]. Можно также отметить исследования С.А. Кациель направленные на изучение когнитивного диссонанса среди студентов [11]. В этом же ряду находится исследование С.Б. Баглюк и Н.С. Касаткиной по выявлению роли СМИ в формировании когнитивного диссонанса при взаимодействии врача и пациента [4]. Отдельного внимания заслуживает монография Т.В. Савицкой посвященная изучению веры как способа устранения когнитивного диссонанса в обыденном сознании [19].

Указанные выше исследования позволяют констатировать, что проблема исследования субъектной детерминированности выбора моделей поведения в ситуациях когнитивного диссонанса находится преимущественно в контексте теоретического осмысления и не была предметом специального эмпирического исследования.

Цель статьи — эмпирически обосновать субъектную обусловленность выбора моделей поведения курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса.

Методология и методики исследования

Теоретико-методологическую основу проблемы исследования стратегий поведения в ситуациях когнитивного диссонанса составили экзистенциальный подход, в контексте которого уникальность личности выступает как специфическая траектория самоосуществления субъекта [27; 31]; субъектно-деятельностный подход, объясняющий становление и развитие индивидуальных особенностей личности в непосредственной учебной и трудовой деятельности; теории и концепции личности, рассматривающие предпосылки проявления поведения

личности в социальных ситуациях с учетом внешних и внутренних факторов [15; 16; 17; 42]; современные подходы к высшему образованию, регламентирующие саморазвивающееся образовательное пространство активизирующее самораскрытие, самоактуализацию и выраженную учебно-познавательную мотивацию [21].

Для выявления стратегий поведения в ситуациях когнитивного диссонанса использовались методика Д. Амирхан [26] «Индикатор копинг-стратегий», адаптированная Н.А. Сиротой и В.М. Ялтонским, и опросник Д.У. Ханалиевой «Индивидуальные предпочтения паттернов поведения в ситуациях когнитивного диссонанса» [23]. Для изучения субъектных характеристик применялись методика «Локус контроля» Дж. Роттера в модификации Е.Г. Ксенофонтовой; методика диагностики самооценки Дембо — Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан; методика Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л. Ханина «Шкала самооценки уровня тревожности» [9; 10], экспертная оценка.

Математико-статистический анализа включал методы описательной статистики, корреляционный анализ К. Пирсона, факторный анализ. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы «SPSS 19.0 for Windows».

Для установления устойчивых связей между определенной стратегией поведения в ситуациях когнитивного диссонанса и субъектными характеристиками использовался корреляционный анализ, позволяющий установить степень зависимости двух и более переменных. С помощью факторного анализа была выявлена структура субъектной детерминированности выбора моделей поведения у студентов в сложных когнитивных ситуациях.

В исследовании приняли участие курсанты в количестве 217 человек, в возрасте 18—25 лет, из которых 59% — представители женского пола и 41% — мужского пола, курсанты военного университета.

Результаты исследования и обсуждение

Погружение респондентов в ситуации когнитивного диссонанса осуществлялось во время занятий обучения иностранному языку. Как правило, когнитивный диссонанс возникал при изучении сложного, нового материала, не вписывающегося ни в устоявшуюся картину мира обучающегося, ни в его систему освоения знаний о родном языке, ни в культурные традиции.

Процедура исследования осуществлялась следующим образом: при использовании методики «Индивидуальные предпочтения паттернов поведения в ситуации когнитивного диссонанса» у испытуемых были выявлены следующие модели поведения: конструктивная, деструктивная и избегающая. После подробного описания типичных паттернов поведения, для каждой модели был проведен опрос педагогов, обучающих респондентов иностранному языку. Ознакомившись с описанием моделей поведения, они с помощью экспертной оценки определяли, какая из них характерна для каждого респондента в ситуациях когнитивного диссонанса. Анализ полученных результатов показал, что в ситуациях когнитивного диссонанса 48,3% респондентов используют конструктивную модель поведения, для которой характерна активная позиция. Данные методики Дж. Амирхана свидетельствуют, что 84% респондентов в этой группе выбирают в качестве базовой модели стратегию разрешения проблем. Иными словами, эти студенты используют весь арсенал знаний для решения сложной задачи, прибегают к поиску дополнительных знаний, анализируют возможные варианты решения сложной задачи, задействуют дополнительные ресурсы и в отдельных случаях прибегают к помощи экспертов.

Противоположная, деструктивная, модель поведения в ситуациях когнитивного диссонанса выявлена экспертами у 21,7% респондентов. Эти курсанты не могут использовать свои

знания и опыт для решения конкретной задачи, не готовы анализировать и дифференцировать имеющуюся информацию на предмет соответствия ее проблеме. Они склонны перекладывать ответственность на преподавателей и внешние обстоятельства за свою неспособность решить учебную задачу. Демонстрируют негативные эмоции. При выполнении трудного задания сосредоточены не на способах решения, а на возможности получить информацию в готовом виде от кого-либо. Стремятся всеми возможными способами выйти из трудной когнитивной ситуации, но не искать адекватные методы и приемы решения проблемы. Результаты методики Дж. Амирхана показали, что 72% испытуемых этой группы в сложных ситуациях прибегают к стратегии поиска социальной поддержки, 19% склонны избегать трудные ситуации и 12% готовы к решению проблем.

В третьей группе респондентов по данным экспертов оказались 30% курсантов, у которых зафиксирована избегающая стратегия поведения. Эти респонденты стремятся избегать противоречивые когнитивные ситуации. Их модель поведения обусловлена игнорированием сложных задач. Оказавшись в ситуациях когнитивного диссонанса, они всю активность и знания направляют не на решение проблемы, а на поиск аргументированного оправдания невозможности решения поставленной перед ними задачи. Результаты методики Дж. Амирхана показали, что 96% данных студентов также избрали избегающую модель поведения в сложных ситуациях.

Для выявления связей между отдельными характеристиками и выдвижения гипотезы о причинно-следственных зависимостях между разными переменными был использован корреляционный анализ. Данный метод позволил определить корреляционные плеяды с участием указанных характеристик, доказывающих статистически достоверные связи между субъектными характеристиками (самооценка, локус контроля, тревожность) и моделями поведения в ситуациях когнитивного диссонанса (табл. 1).

Таблица 1

**Корреляции субъектных предикторов и моделей поведения
в ситуациях когнитивного диссонанса (N=217)**

Совокупность личностных переменных	Модели поведения		
	Конструктивная (N-105)	Деструктивная (N-47)	Избегающая (N-65)
Низкий уровень тревожности	0,34***	0,07	0,10
Адекватная самооценка	0,28**	0,08	0,05
Интернальный локус контроля	0,40***	0,12	0,04
Умеренный уровень тревожности	0,09	0,30*	0,12
Неадекватная завышенная самооценка	0,11	0,42**	0,06
Экстернальный локус контроля	0,03	0,39**	0,27*
Высокий уровень тревожности	0,04	0,49***	0,45***
Неадекватная заниженная самооценка	0,10	0,06	0,54***

Примечание: корреляционный анализ; р — уровень значимости: * — $p > 0,05$; ** — $p > 0,01$; *** — $p > 0,001$. Жирным шрифтом выделены статистически значимые связи.

Результаты корреляционного анализа позволили установить определенные взаимосвязи между моделями поведения в ситуациях когнитивного диссонанса и отдельными личност-

ными характеристиками, выступающими, по нашему мнению, предикторами выбора данных моделей поведения. Конструктивная модель поведения статистически значимо связана с низким уровнем тревожности (0,34***), адекватной самооценкой (0,28**) и интернальным локусом контроля (0,40***), данные связи имеют положительную модальность и высокую зависимость (от $p < 0,01$ до $p < 0,001$). Деструктивная модель поведения имеет прямые корреляционные зависимости с такими личностными переменными, как умеренный и высокий уровень тревожности (от $p < 0,05$ до $p < 0,001$, неадекватно завышенная самооценка (0,42**), и экстернальный локус контроля (0,39**).

Избегающая стратегия поведения в ситуациях когнитивного диссонанса демонстрирует положительные и устойчивые связи с экстернальным локусом контроля (0,27*), высоким уровнем тревожности (0,45***) и неадекватно заниженной самооценкой (0,54***). Представленные корреляции показывают достаточную избирательность и тесноту связей между выбором модели поведения в сложной когнитивной ситуации и личностными характеристиками.

На следующем этапе исследования для подтверждения гипотезы о соотношении личностных характеристик (самооценки, локуса контроля и тревожности) и выбора модели поведения в ситуации когнитивного диссонанса был осуществлен факторный анализ.

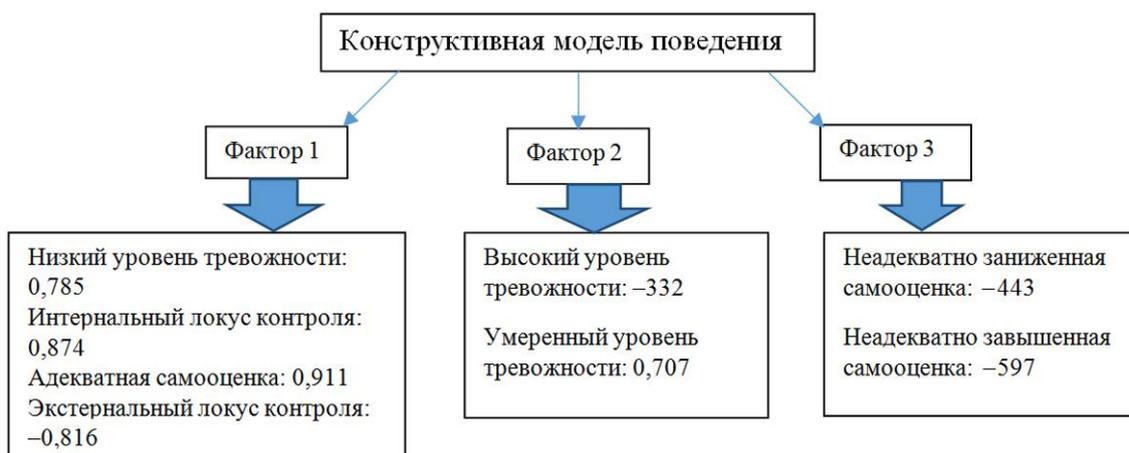

Рис. 1. Факторные нагрузки субъектных предикторов конструктивной модели поведения

Результаты факторного анализа доказывают, что в ситуации когнитивного диссонанса выбор конструктивной модели поведения, обеспечивающий продуктивную познавательную деятельность курсантов, обуславливается интернальной саморегуляцией, адекватной самооценкой и низким уровнем тревожности. Респонденты с данным набором личностных характеристик проявляют высокую познавательную активность при решении сложных и неоднозначных когнитивных задач. Сохраняют эмоциональное спокойствие, рассудительность и выраженный самоконтроль. Ориентируются исключительно на свои возможности и способности. Сложные задачи, по мнению экспертов, им скорее нравятся, они испытывают эмоциональный подъем. При взаимодействии с другими обучающимися во время деятельности демонстрируют доброжелательность, охотно помогают другим, причем сами практически не обращаются за помощью к другим и не требуют от преподавателя каких-либо дополнительных инструкций или объяснений по выполнению заданий. При невозможности решения трудной, проблемной задачи не испытывают напряжения, тревоги и каких-либо негативных эмоциональных реакций. Всегда остаются доброжелательными по отношению к преподава-

телям и сокурсникам. В редких ситуациях, когда не справляются с проблемной задачей, обращаются за дополнительным временем к педагогу. При решении когнитивной задачи тщательно анализируют возможные способы и приемы ее решения. Неоднократно перепроверяют правильность решения и только после этого сдают работу в окончательном варианте преподавателю.

Данные факторного анализа выбора курсантами деструктивной модели поведения в ситуациях когнитивного диссонанса изображены на рис. 2.

Рис. 2. Факторные нагрузки субъектных предикторов деструктивной модели поведения

Представленные результаты убедительно свидетельствуют о том, что выбор деструктивной модели поведения курсантами в ситуациях когнитивного диссонанса детерминирован завышенной самооценкой, экстернальной саморегуляцией и высокой тревожностью. Познавательная активность данных респондентов направлена не на решение проблемы, а на получение информации в готовом виде. Эти испытуемые чаще других используют всевозможные гаджеты и обычные шпаргалки из которых можно извлечь необходимую информацию для выполнения задания. Внимание концентрируется не на способах решения проблемы, а на возможности получения ответа в готовом виде. В ситуациях, когда нет возможности получить такую информацию для решения сложной когнитивной задачи, у респондентов данной группы внутреннее эмоциональное напряжение трансформируется в агрессию по отношению к ситуации или окружающим либо аутоагрессию. Если когнитивная ситуация не разрешается, усиливается эмоциональное напряжение и проявляются негативные эмоциональные реакции в виде раздражения, недовольства, отчаяния, злости. В отдельных случаях может демонстрироваться неприкрытая вербальная агрессия по отношению к сокурсникам, которые не смогли или не захотели оказать помощь в решении задачи. В некоторых случаях такие курсанты демонстративно отказываются выполнять задания ссылаясь на то, что им не хватило времени либо ресурсов для подготовки.

Обратимся к данным факторного анализа выбора курсантами избегающей модели поведения в ситуациях когнитивного диссонанса, представленным на рис. 3. Как видно на данном рисунке, в первый фактор со значимыми весами вошли такие субъектные предикторы, как неадекватно заниженная самооценка, высокий уровень тревожности и адекватная самооценка.

Второй фактор представлен экстернальным локусом контроля и в третий фактор со значимыми весами вошел показатель неадекватно-завышенная самооценка. Данный факторный конструкт свидетельствует о том, что в ситуациях когнитивного диссонанса избегающую модель поведения выбирают чаще всего курсанты с заниженной самооценкой и высокой тре-

возможностью. Совокупность проявления этих предикторов в ситуациях когнитивного диссонанса резко снижает познавательную активность и учебно-познавательную деятельность респондентов. Они обнаруживают неспособность к выполнению аналитической деятельности и проявлению креативности. Поскольку в таких ситуациях курсанты не могут выполнить задания, то, как правило, ссылаются на утомление, недомогание, недостаток времени на подготовку, а также приводят другие причины, объясняющие невозможность решения поставленной перед ними когнитивной задачи.

Рис. 3. Факторные нагрузки субъектных предикторов избегающей модели поведения

Заключение

В ходе проведения исследования была установлена зависимость выбора моделей поведения курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса от таких субъектных характеристик, как самооценка, уровень тревожности и локус контроля. Специфическое соотношение указанных характеристик обуславливает выбор определенной модели поведения курсантов в ситуациях неопределенности. Последовательное эмпирическое исследование с математико-статистическим анализом результатов явилось подтверждением предположения о том, что конструктивная, деструктивная и избегающая модели поведения в ситуациях когнитивного диссонанса являются зависимыми переменными по отношению к устойчивым сформировавшимся субъектным характеристикам, самооценке, уровню тревожности и локус контролю.

Эмпирические данные, доказывающие зависимость определенных паттернов поведения в ситуациях когнитивного диссонанса от личностных характеристик, могут быть взяты за основу при разработке коррекционно-развивающих программ направленных на формирование конструктивных моделей поведения в ситуациях когнитивной неопределенности, а также найдут применение в консультативной практике и профессиональном отборе персонала в силовых ведомствах.

Полученные результаты являются основой для более глубоких исследований данной проблематики. В настоящей работе ситуации когнитивного диссонанса были смоделированы в рамках учебной деятельности, представляется целесообразным осуществить перенос таких ситуаций в реальные, профессионально-служебные условия, а также расширить репертуар субъектных характеристик, дополнив их такими качествами, как социальный интеллект и стрессоустойчивость личности.

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

Литература

1. Авдеева И.Б. Когнитивный диссонанс как причина неуспеха при обучении РКИ в вузах инженерного профиля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 3. С. 81–87.
2. Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 111–126.
3. Афинская З.Н. L'Hospitalité / L'Hostilité — случай когнитивного диссонанса [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 16–23.
4. Баглюк С.Б., Касаткина Н.С. Влияние СМИ на формирование когнитивного диссонанса при взаимодействии врача и пациента [Электронный ресурс] // Клиническая практика. 2019. № 10 (1). С. 108–113. doi:10.17816/clinpract10108-113
5. Борулава Г.А. Новая методологическая платформа развития личности // Гуманизация образования. 2013. № 3. С. 11–24.
6. Бовин Б.Г. Психологическая модель профессиональной пригодности к оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 126–137. doi:10.17759/psylaw.2021110409
7. Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И. Исследование самореализации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 90–105. doi:10.17759/psylaw.2021110108
8. Глухова В.А., Мальцева А.С. Специфика личностных конструктов специалистов экстремальных сфер деятельности (на примере сотрудников МЧС и МВД России) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2–16. doi:10.17759/psylaw.2021110201
9. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. СПб: Питер, 2001. 560 с.
10. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб: Питер, 2004. 701 с.
11. Кацнель С.А. Определение уровня когнитивного диссонанса в студенческой среде средствами социологического мониторинга // Омские социально-гуманитарные чтения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (20–21 апреля 2017 г.). Омск: ОмГТУ, 2017. С. 53–57.
12. Ковальчук И.А., Костина Л.Н., Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С. Развитие интеллектуально-личностного потенциала сотрудников ФСИН России на начальном этапе профессионализации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77–89. doi:10.17759/psylaw.2021110107
13. Кулишевская И.В. Стратегии поведения как условие самореализации личности сотрудников ФСИН РФ: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2020. 230 с.
14. Лучко О.Н., Маренко В.А., Кацнель С.А. Изучение когнитивного диссонанса личности как инструмента межкультурного диалога // Роль Сибири в поликультурном и многоязычном мире современного евразийского пространства. Сборник материалов Международной научной конференции (23–25 октября 2015 г.). Ч. 1. Омск: ОГИС, 2015. С. 103–105.
15. Леонтьев Д.А., Лебедев А.А., Костенко В.Ю. Траектория личностного развития: реконструкция взглядов Л.С. Выготского [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 98–112. doi:10.17323/1814-9545-2017-2-98-112
16. Любимов Л.Л. Книга, в которой нуждается каждая школа. Рецензия на книгу: А.А. Леонтьев. Педагогика здравого смысла. Избранные работы по философии образования и педаго-

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

- гической психологии (под ред. Д.А. Леонтьева) [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 234–241. doi:10.17323/1814-9545-2017-3-234-241
17. Муравьева О.И., Литвина С.А., С.А. Богомаз С.А. Средовая идентичность: содержание понятия [Электронный ресурс] // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 136–148. doi:10.17223/17267080/58/10
18. Решетова Т.Я., Петухова Л.И. Личностно-смысловые детерминанты когнитивной оценки нарушения границ бытийного пространства личности: Монография. М.: Перо, 2014. 158 с.
19. Савицкая Т.В. Вера как способ устранения когнитивного диссонанса в обыденном сознании: Монография. Петропавловск-Камчатский: КамГУ имени Витуса Беринга, 2017. 167 с.
20. Скрипникова А.И. Применение искусственно созданного когнитивного диссонанса в журналистике // Филологические науки в России и за рубежом. Сборник материалов Международной научной конференции (20–23 февраля 2012 г.) СПб: Реноме, 2012. С. 197–200.
21. Трубина Г.П., Зеер Э.Ф., Мащенко М.В. Социально-ориентированный подход в образовании как условие успешной социализации учащегося [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2017. Том 19. № 6. С. 9–32. doi:10.17853/1994-5639-2017-6-9-32
22. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб: Ювента, 1999. 318 с.
23. Ханалиева Д.У. Субъектные предикторы поведения личности в ситуациях когнитивного диссонанса: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2019. 177 с.
24. Цветкова Н.А., Кулакова С.В. Исследование стрессоустойчивости и жизнестойкости сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 112–129. doi:10.17759/psylaw.2019090208
25. Akerlof G.A., Dickens W.T. The Economic Consequences of Cognitive Dissonance // *American Economic Review*, 1982. Vol. 72(3). P. 307–319.
26. Amirkhan J.H. A factor analytically derived measure of coping: The Coping Strategy Indicator // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 59(5). P. 1066–1074. doi:10.1037/0022-3514.59.5.1066
27. Berzonsky M.D., Papini D.R. Identity processing styles and value orientations: the mediational role of self-regulation and identity commitment // *Identity*. 2014. Vol. 14(2). P. 96–112. doi:10.1080/15283488.213.858228
28. Brehm J.W., Cohen A.R. Explorations in cognitive dissonance. N.Y., 1962.
29. Bølstad J., Dinas E., Riera P. Tactical Voting and Party Preferences: A Test of Cognitive Dissonance Theory // *Political Behavior*. 2013. Vol. 35(3). P. 429–446. doi:10.1007/s11109-012-9205-1
30. Cooper J. Cognitive Dissonance: Where We've Been and Where We're Going // *International Review of Social Psychology*. 2019. Vol. 32(1). P. 1–11. doi:10.5334/irsp.277
31. Dudina M.N., Dolgova V.L. New educational paradigm: existentialism is a humanism // *Man in India*. 2016. Vol. 96(10). P. 4043–4050.
32. Druckman J.N., Bolsen T. Framing, Motivated Reasoning, and Opinions about Emergent Technologies // *Journal of Communication*. 2011. Vol. 61(4). P. 659–688. doi:10.1111/j.1460-2466.2011.01562.x
33. Egan L.C., Bloom P., Santos L.R. Choice-Induced Preferences in the Absence of Choice: Evidence from a Blind Two Choice Paradigm with Young Children and Capuchin Monkeys // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46(1) P. 204–217. doi:10.1016/J.JESP.2009.08.014
34. Halliwell E., Diedrichs P.C. Cognitive dissonance-based interventions to facilitate positive body image and embodiment. In N. Piran, T. Tylka (eds.). *Handbook of positive body image and*

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

embodiment: Constructs, protective factors, and interventions. New York: Oxford University Press, 2019. P. 361–374. doi:10.1093/med-psych/9780190841874.003.0034

35. Harmon-Jones E., Mills J. An introduction to cognitive dissonance theory and an overview of current perspectives on the theory // *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology* / E. Harmon-Jones (ed.). American Psychological Association, 2019. P. 3–24. doi:10.1037/0000135-001

36. Izuma K., Murayama K. Neural basis of cognitive dissonance // *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology* / E. Harmon-Jones (ed.). American Psychological Association, 2019. P. 227–245. doi:10.1037/0000135-011

37. Minozzi W. Endogenous Beliefs in Models of Politics // *American Journal of Political Science*. 2013. Vol. 57(3). P. 566–581. doi:10.1111/AJPS.12021

38. Mullainathan S., Washington E.L. Sticking with Your Vote: Cognitive Dissonance and Voting // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2009. Vol. 1(1). P. 86–111. doi:10.1257/app.1.1.86

39. Mills J. Improving the 1957 version of dissonance theory // *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology* / E. Harmon-Jones (ed.). American Psychological Association, 2019. P. 27–39. doi:10.1037/0000135-002

40. Penn E.M. Inequality, Social Context, and Value Divergence // *The Journal of Politics*. 2017. Vol. 79(1). P. 153–165. doi:10.1086/687208

41. Voors M.J., Nillesen E.E.M., Verwimp Ph., Bulte E.H., Lensink R., Van Soest D.P. Violent Conflict and Behavior: A Field Experiment in Burundi // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102(2). P. 941–964. doi:10.1257/aer.102.2.941

42. Vianello M., Schnabel K., Sriram N., Nosek B. Gender differences in implicit and explicit personality traits // *Personality and Individual Differences*, 2013. Vol. 55(8). P. 994–999. doi:10.1016/j.paid.2013.08.008

43. Zimbardo P.G. *The cognitive control of motivation*. Glenview, 1969. P. 902–922. doi:10.1111/j.2164-0947.1966.tb02395.x

References

1. Avdeeva I.B. Kognitivnyi dissonans kak prichina neuspekha pri obuchenii RKI v vuzakh inzhenernogo profilya [Cognitive dissonance as a cause of failure in teaching RCT in engineering universities]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: hazyki i spetsial'nost' = RUDN Journal. Series: Questions of education. Languages and specialty*, 2014, no. 3, pp. 81–87. (In Russ.).

2. Aronson E. Teoriya dissonansa: progress i problem. *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984, pp. 111–126. (In Russ.).

3. Afinskaya Z.N. L'Hospitalité / L'Hostilité — sluchai kognitivnogo dissonansa [L'Hospitalité / L'Hostilité: a case of cognitive dissonance]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, no. 2, pp. 16–23. (In Russ.).

4. Baglyuk S.B., Kasatkina N.S. Vliyanie SMI na formirovanie kognitivnogo dissonansa pri vzaimodeistvii vracha i patsienta [The Influence of the Media on the Formation of Cognitive Dissonance in the Interaction Between Doctor and Patient] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya praktika = Journal of Clinical Practice*, 2019, no. 10 (1), pp. 108–113. doi:10.17816/clinpract10108-113 (In Russ.).

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

5. Berulava G.A. Novaya metodologicheskaya platforma razvitiya lichnosti [New methodological platform of personal development]. *Gumanizatsiya obrazovaniya = Humanization of Education*, 2013, no. 3, pp. 11–24. (In Russ.).
6. Bovin B.G. Psikhologicheskaya model' professional'noi prigodnosti k operativno-rozysknoi deyatelnosti [Psychological Model of Professional Fitness for Investigative Activities] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 126–137. doi:10.17759/psylaw.2021110409 (In Russ.).
7. Burtsev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I. Issledovanie samorealizatsii sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Self-realization in Officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 90–105. doi:10.17759/psylaw.2021110108 (In Russ.).
8. Glukhova V.A., Maltseva A.S. Spetsifika lichnostnykh konstruktov spetsialistov ekstremal'nykh sfer deyatelnosti (na primere sotrudnikov MCHS i MVD Rossii) [Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of Extreme Spheres of Activity (with Officers of the Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as an Example)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2–16. doi:10.17759/psylaw.2021110201 (In Russ.).
9. Eliseev O.P. Praktikum po psikhologii lichnosti. Saint Petersburg: Piter, 2001. 560 p. (In Russ.).
10. Il'in E.P. Psikhologiya individual'nykh razlichii. Saint Petersburg: Piter, 2004. 701 p. (In Russ.).
11. Katsiel S.A. Opredelenie urovnya kognitivnogo dissonansa v studencheskoi srede sredstvami sotsiologicheskogo monitoringa. *Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (20–21 aprelya 2017 g.) = Omsk Social and Humanitarian Readings – 2017. The Proceedings X International scientific-practical conference (Omsk, 20–21 April 2017)*. Omsk: OmGTU Publ., 2017, pp. 53–57. (In Russ.).
12. Kovalchuk I.A., Kostina L.N., Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S. Razvitie intellektual'no-lichnostnogo potentsiala sotrudnikov FSIN Rossii na nachal'nom etape professionalizatsii [Development of Intellectual and Personality Potential of the Staff of the Federal Penitentiary Service at the Initial Stage of their Professional Development] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77–89. doi:10.17759/psylaw.2021110107 (In Russ.).
13. Kulishevskaya I.V. Strategii povedeniya kak uslovie samorealizatsii lichnosti sotrudnikov FSIN R: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2020. 230 p. (In Russ.).
14. Luchko O.N., Marenko V.A., Katsiel' S.A. Izuchenie kognitivnogo dissonansa lichnosti kak instrumenta mezhkul'turnogo dialoga. *Rol' Sibiri v polikul'turnom i mnogoyazychnom mire sovremennoy evraziiskogo prostranstva. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (23–25 oktyabrya 2015 g.)*. Ch. 1. Omsk: OGIS, 2015, pp. 103–105. (In Russ.).
15. Leontiev D.A., Lebedev A.A., Kostenko V.Yu. Traektoriya lichnostnogo razvitiya: rekonstruktsiya vzglyadov L.S. Vygotskogo [Pathways of personality development: following Lev Vygotsky's guidelines] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*, 2017, no. 2, pp. 98–112. doi:10.17323/1814-9545-2017-2-98-112 (In Russ.).
16. Lyubimov L.L. Kniga, v kotoroi nuzhdaetsya kazhdaya shkola. Retenziya na knigu: A.A. Leont'ev. Pedagogika zdravogo smysla. Izbrannye raboty po filosofii obrazovaniya i pedagogicheskoi psikhologii (pod. red. D.A. Leont'eva) [The book that every school needs review of the

russian edition of the book: Leontiev A. Pedagogy of common sense. Selected works on philosophy of education and educational psychology] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*, 2017, no. 3, pp. 234–241. doi:10.17323/1814-9545-2017-3-234-241 (In Russ.).

17. Muravyova O.I., Litvina S.A., S.A. Bogomaz S.A. Sredovaya identichnost': sodержanie ponyatiya [Environmental identity: the concept content] [Elektronnyi resurs]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, 2015, no. 58, pp. 136–148. doi:10.17223/17267080/58/10 (In Russ.).

18. Reshetova T.Ya., Petukhova L.I. Lichnostno-smyslovye determinanty kognitivnoi otsenki narusheniya granits byitiinogo prostranstva lichnosti: Monografiya. Moscow: Pero, 2014. 158 p. (In Russ.).

19. Savitskaya T.V. Vera kak sposob ustraneniya kognitivnogo dissonansa v obydennom soznanii: Monografiya. Petropavlovsk-Kamchatsky: KamGU imeni Vitusa Beringa, 2017. 167 p. (In Russ.).

20. Skripnikova A.I. Primenenie iskusstvenno-sozdannogo kognitivnogo dissonansa v zhurnalistike. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (20–23 fevralya 2012 g.)*. Saint Petersburg: Renome, 2012, pp. 197–200. (In Russ.).

21. Trubina G.P., Zeer E.F., Mashchenko M.V. Sotsial'no-orientirovannyi podkhod v obrazovanii kak uslovie uspeshnoi sotsializatsii uchashchegosya [Socially-oriented approach to education as a condition of successful socialization of pupils] [Elektronnyi resurs]. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2017. Vol. 19, no. 6, pp. 9–32. doi:10.17853/1994-5639-2017-6-9-32 (In Russ.).

22. Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa. [A Theory of Cognitive Dissonance]. Saint Petersburg: Juventa, 1999. 318 p. (In Russ.).

23. Khanaliev D.U. Sub'ektnye prediktory povedeniya lichnosti v situatsiyakh kognitivnogo dissonansa: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2019. 177 p. (In Russ.).

24. Tsvetkova N.A., Kulakova S.V. Issledovanie stressoustoichivosti i zhiznestoikosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Study of Stress Tolerance and Resilience of Employees of Penal System] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 112–129. doi:10.17759/psylaw.2019090208 (In Russ.).

25. Akerlof G.A., Dickens W.T. The Economic Consequences of Cognitive Dissonance. *American Economic Review*, 1982. Vol. 72, no. 3, pp. 307–319.

26. Amirkhan J.H. A factor analytically derived measure of coping: The Coping Strategy Indicator. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990. Vol. 59, no. 5, pp. 1066–1074. doi:10.1037/0022-3514.59.5.1066

27. Berzonsky M.D., Papini D.R. Identity processing styles and value orientations: the mediational role of self-regulation and identity commitment. *Identity*, 2014. Vol. 14, no. 2, pp. 96–112. doi:10.1080/15283488.213.858228

28. Brehm J.W., Cohen A.R. Explorations in cognitive dissonance. N.Y., 1962.

29. Bølstad J., Dinas E., Riera P. Tactical Voting and Party Preferences: A Test of Cognitive Dissonance Theory. *Political Behavior*, 2013. Vol. 35, no. 3, pp. 429–446. doi:10.1007/s11109-012-9205-1

30. Cooper J. Cognitive Dissonance: Where We've Been and Where We're Going. *International Review of Social Psychology*, 2019. Vol. 32, no. 1, pp. 1–11. doi:10.5334/irsp.277

31. Dudina M.N., Dolgova V.L. New educational paradigm: existentialism is a humanism. *Man in India*, 2016. Vol. 96, no. 10, pp. 4043–4050.

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

32. Druckman J.N., Bolsen B. Framing, Motivated Reasoning, and Opinions about Emergent Technologies. *Journal of Communication*, 2011. Vol. 61, no. 4, pp. 659–688. doi:10.1111/j.1460-2466.2011.01562.x
33. Egan L.C., Bloom P., Santos L.R. Choice-Induced Preferences in the Absence of Choice: Evidence from a Blind Two Choice Paradigm with Young Children and Capuchin Monkeys. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010. Vol. 46, no. 1, pp. 204–217. doi:10.1016/J.JESP.2009.08.014
34. Halliwell, E., & Diedrichs, P.C. Cognitive dissonance-based interventions to facilitate positive body image and embodiment. In N. Piran, T. Tylka (eds.). *Handbook of positive body image and embodiment: Constructs, protective factors, and interventions*. New York: Oxford University Press, 2019, pp. 361–374. doi:10.1093/med-psych/9780190841874.003.0034
35. Harmon-Jones E., Mills J. An introduction to cognitive dissonance theory and an overview of current perspectives on the theory. In E. Harmon-Jones (ed.). *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology*. American Psychological Association, 2019, pp. 3–24. doi:10.1037/0000135-001
36. Izuma K., Murayama K. Neural basis of cognitive dissonance. In E. Harmon-Jones (ed.). *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology*. American Psychological Association, 2019, pp. 227–245. doi:10.1037/0000135-011
37. Minozzi W. Endogenous Beliefs in Models of Politics. *American Journal of Political Science*, 2013. Vol. 57, no. 3, pp. 566–581. doi:10.1111/AJPS.12021
38. Mullainathan S., Washington E.L. Sticking with Your Vote: Cognitive Dissonance and Voting. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2009. Vol. 1, no. 1, pp. 86–111. doi:10.1257/app.1.1.86
39. Mills J. Improving the 1957 version of dissonance theory. In E. Harmon-Jones (ed.). *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology*. American Psychological Association, 2019, pp. 27–39. doi:10.1037/0000135-002
40. Penn E.M. Inequality, Social Context, and Value Divergence. *The Journal of Politics*, 2017. Vol. 79, no. 1, pp. 153–165. doi:10.1086/687208
41. Voors M.J., Nillesen E.E.M., Verwimp Ph., Bulte E.H., Lensink R., Van Soest D.P. Violent Conflict and Behavior: A Field Experiment in Burundi. *American Economic Review*, 2012. Vol. 102, no. 2, pp. 941–964. doi:10.1257/aer.102.2.941
42. Vianello M., Schnabel K., Sriram N., Nosek B. Gender differences in implicit and explicit personality traits. *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 55, no. 8, pp. 994–999. doi:10.1016/j.paid.2013.08.008
43. Zimbardo P.G. The cognitive control of motivation. Glenview, 1969, pp. 902–922. doi:10.1111/j.2164-0947.1966.tb02395.x

Информация об авторах

Кудинов Сергей Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

Бурцев Антон Олегович, кандидат психологических наук, начальник, отделение научно-исследовательского центра, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Кудинов Станислав Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1515-8754>, e-mail: Kudinov_ss@rudn.ru

Марьин Михаил Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Ханалиева Дагмара Умарпашаевна, кандидат психологических наук, докторант, Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1175-7522>, e-mail: Seda.42@mail.ru

Information about the authors

Sergey I. Kudinov, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Anton O. Burtsev, PhD in Psychology, Head, Department of the Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Stanislav S. Kudinov, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1515-8754>, e-mail: Kudinov_ss@rudn.ru

Mikhail I. Maryin, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Dagmar U. Khanaliev, PhD in Psychology, doctoral student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1175-7522>, e-mail: Seda.42@mail.ru

Получена 08.10.2021
Принята в печать 12.03.2022

Received 08.10.2021
Accepted 12.03.2022